

Прошло еще два дня. Лартак куда-то исчез; не было видно и его помощников-рабов. Скорее всего, старец переоборудовал свою деревянную птицу в соответствии рекомендациям Романа. Разведчик припомнил вскользь брошенное им замечание, что где-то в горах, неподалеку от Голубого Дворца, у него имеется большая мастерская. Вероятно, Лартак там и пропал.

На очередной утренний урок, который Роман проводил на стадионе-палестре рядом с казармами царской охраны, прибыли Кавасса с Гралией. Нет, они не собирались заниматься; усевшись в первом ряду на мраморной скамье, они лишь внимательно следили за тренировкой. Роман не имел ничего против - тем более что Кавасса являлась командиром стражи принца Тархиона. Вполне понятно, что она пожелала посмотреть, чему учит ее воительница, чужеземец из неведомой Альбы.

Надо сказать, что он, обучая дюжину юных амазонок, по примеру мастеров средневековья не спешил расставаться со своими секретами. Девушки были знакомы с основами рукопашного боя, и приемы, которыми они владели, в какой-то степени походили на вольную борьбу и американский вариант бокса. Понятие о болевых точках, о нервных узлах и наиболее уязвимых частях тела было у них самым смутным; что касается ударов ногами, ребром ладони или кончиками пальцев, являвшихся основой восточных единоборств, то в Меоте об этом вообще не ведали. И Роман пока не собирался передавать своим прелестным ученицам такие опасные знания. Он не сказал ни слова и о психофизической: подготовке, позволявшей бойцу в нужный момент действовать с фантастической скоростью - так, как он завершил поединок с Кавассой в эстарде Шод.

Фактически Роман преподавал традиционное фехтование в рамках европейской школы, для разнообразия добавив несколько эффектных приемов с мечом, характерных для восточного искусства. Он заставлял девушек выполнять и довольно необычные упражнения для развития силы, скорости реакции и чувства равновесия - вроде марш-бросков по вертикально вкопанным обрезкам тонких бревен. Его ученицы, безусловно, прогрессировали, так что хлеб свой разведчик ел недаром.

Обычно они занимались почти нагими, если не считать толстых кожаных бандажей и наплечников. Роману не всегда удавалось с равнодушием взирать на упругую розоватую или смуглую плоть, окружавшую его со всех сторон; изгоняя дьявола похоти, он трудился вместе со своими ученицами до умопомрачения. Сегодня, когда он закончил занятие, пот лил с него градом. Обтерев торс и ноги льняным полотенцем, он уже направлялся к бассейну в дальнем конце палестры, где весело плескались девушки, когда Кавасса заступила ему дорогу.

- Ты учишь моих всадниц, тому, что нам и так известно, - сказала она, недружелюбно сверкнув темными глазами. - Когда ты сражался со мной в эстарде, я видела совсем другое... особенно под конец.

Разведчик пожал плечами.

- Дорога к настоящему мастерству не бывает короткой. Мы занимаемся всего одну декаду.

Гралия стояла рядом с Кавассой. Со времени поединка и своего освобождения Роман впервые видел ее так близко. Она была выше и заметно крепче Фарры, хотя по сравнению со своей рослой и мощной подругой казалась едва ли не подростком. Но, пожалуй, ее не стоило считать совсем юной и неопытной: молодая женщина лет двадцати трех, в самом расцвете красоты, с роскошными темно-бронзовыми локонами, струившимися по спине, и горячими глазами цвета каштана. Ее обнаженные до плеч руки были округлыми и сильными, но развитые мышцы не портили общего впечатления ликующей и победоносной женственности. Такой товар

пропадает, подумал Роман и невольно покачал головой.

- Что такое настоящее мастерство? - Кавасса нахмурилась, перехватив его взгляд, направленный на Гралию. - Ты мог бы сам показать, что будет в конце пути, о котором ты говоришь?

На миг разведчик задумался. С одной стороны, он решил не выдавать свои тайны, с другой... да, с другой ему безумно хотелось произвести впечатление на Гралию. Он вспомнил ее взгляд там, в эстарде, перед схваткой с Кавассой. "Не убивай ее..." Что ж, он выполнил эту молчаливую мольбу... Но где, же награда? Может быть, она считает, его победа в том поединке - дело случая?

Роман поднял взгляд на Кавассу.

- Правду ли говорят девушки, которых я учу, что ты - одна из лучших бойцов в столице?

Неожиданно Гралия положила руку на плечо подруги.

- Не одна из лучших - лучшая! - с какой-то странной гордостью произнесла она.

Кавасса улыбнулась ей.

- Считают так... Но ты настоящий колдун, Роман... ты сумел справиться со мной. - Глаза, однако, сказали другое: то была игра, потеха... А в настоящем бою - посмотрим!

- Это был очень тяжелый поединок, - Роман потер висок. - Я боялся сильно поранить тебя. Я предпочел бы биться с тобой безоружным, но по-настоящему, до смерти.

- И ты думаешь, что у тебя были бы шансы в таком случае?

- Не сомневаюсь.

Лицо Кавассы стало откровенно враждебным; Гралия нерешительно усмехнулась. Она тоже не верила.

- Хочешь меня оскорбить? - рослая женщина бросила на Романа угрюмый взгляд.

- Нет. Я говорю правду. Мое оружие - всегда при мне, - он вытянул вперед обе руки.

Женщины недоверчиво уставились на них.

- Желаете поглядеть? - разведчик посмотрел на Кавассу. - Ты тоже? он повернулся к Гралии.

Они одновременно кивнули.

- Хорошо. - Роман подошел к вбитым в землю столбикам началу дорожки, по которой бегали его девушки, тренируя чувство равновесия. Он выдернул три полена длиной в ярд и диаметром шесть дюймов и положил их поперек трех пар столбов - так, что получились невысокие воротца.

- Можешь перерубить такую палку мечом? - его глаза с едва заметной насмешкой скользнули по лицу Кавассы.

Та пренебрежительно фыркнула. Клинок словно сам собой вылетел из ножен, сверкнул в

воздухе и стремительно опустился, разрез был безукоризненно ровным.

- Ну, теперь ты, - Роман кивнул Гралии.

Снова свист клинка, и две чурки упали на землю

- Теперь попробую я, - Роман подошел к последним воротцам. - Без меча, разумеется.

Резко выдохнув, он рубанул по бревну ребром ладони. Конечно, он не мог перебить его так ровно, как это сделал бы меч, но результат все равно получился впечатляющий, женщины на мгновение застыли.

- Теперь представь, что это могла быть твоя рука, - Роман пошевелил пальцами босой ноги обрубков, - или шея... - Он поднял голову и в упор взглянул на Кавассу. - Видишь, я говорил правду. И я не хотел тебя оскорбить. Ты и в самом деле прекрасно владеешь мечом.

- И... и все девушки... тоже смогут делать такое? - выйдя из столбняка, Кавасса повернула лицо к бассейну, в котором купались юные амазонки.

- Надеюсь, - слегка покривив душой, их сенсей пожал плечами. Посмотрим.

- Ты - демон, искушающий нас загадками и тайнами, - заключила Кавасса. - И будет лучше, если ты покинешь Меот и продолжишь свое странствие.

Она повернулась и пошла к невысоким воротам палестры Гралия шла за ней. Чуть приотстав от подруги, она обернулась и посмотрела на Романа. "Спасибо, что ты пощадил ее" - сказали глаза девушки. Взгляд разведчика полыхнул огнем - точь в точь как у голодного волка, учуявшего добычу во мраке полярной ночи.

* * *

Сияющий Лартак появился следующим утром.

- Ну, сын мой, - объявив он, поймав Романа в дворцовом парке после занятий, - теперь мне есть что показать!

- С радостью готов приобщиться к твоей мудрости... Что, деревянная птица уже готова взмахнуть крыльями?

- Задней их частью, мой друг, задней - как ты и советовал! Собирайся, мы едем в горы!

Через четверть часа они уже двигались к вершине, на которой была высечена статуя Сата-Прародителя. Романа ехал на своем белоснежном жеребце, Лартак и его слуги - на смирных кобылках. Тропа оказалась вполне приличной, и лошади могли пройти по ней пара ми.

- Мы доберемся до карниза на уровне локтя святого изваяния, - сообщил мудрец. - Дальше надо будет немного пройти пешком.

- Божественный Сат не возражает против твоих ученых занятий? улыбнулся Роман.

- Ни в коей мере! Моя мастерская находится в древних катакомбах прямо над его теменем, и именно там мне в голову приходят самые светлые мысли.

- Думаю, Сат в этом не повинен.

- Может быть, может быть... - глаза Лартака под седыми бровями весело блеснули. - Я думаю, древняя вера принесла меотам немало вреда, однако Сат заповедал уважать знание. Тут ему в здравом смысле не откажешь!

- Что еще он повелел своему народу? Это все где-то записано?

- Да, конечно! Есть священные книги - в храмах, у жрецов. Кое-что известно всем, даже рабам заповеди покорности, чистоты крови... В некоторые вещи посвящают только меотов... Но тайная часть неведома даже мне. За этим следят жрецы, и главный из них - наш великий царь Дасмон, десница Сата.

Роман кивнул, припомнив свои долгие разговоры с Фаррой. Значит, он правильно догадался, религиозная традиция Меоты имела эзотерическую сторону, недоступную чужакам. А самое тайное не знали даже такие мудрые люди, как старец Лартак... Но, возможно, он согласился бы рассказать о том, что жрецы говорят меотам?

Он повернулся к мудрецу, но тот, окинув спутника пронизательным взглядом, поднял руку.

- Догадываюсь, о чем ты хочешь спросить. Но сначала скажи: намерен ли ты продолжать свое путешествие или хочешь остаться у нас навсегда?!

- Хмм... - Роман потрепал пышную гриву своего жеребца. - Меота прекрасная страна, отец мой, но рано или поздно я намерен продолжить путь.

- Вот видишь... Тогда тебе лучше не знать всего того, что заповедал Сат своим детям. Если бы ты остался... да, остался, превратившись в одного из нас, восприняв наш образ жизни... Это было бы другое дело. Ты должен был бы отправиться в храм - с соизволения властей, разумеется, - и принести клятву Сату. Ну, а после этого жрец прочел бы тебе наставление... что ты можешь делать, и чего не можешь. Однако, - Лартак улыбнулся с легкой примесью грусти, - насколько я знаю тебя, наши законы тебе не подойдут.

- Почему же, отец мой?

- Видишь ли, я - ученый я изучал обычаи других стран, я был в Райне и в государствах Айталы... даже в далеком Осролате. Странствия расширяют кругозор, и я могу размышлять о запретном без повязки на глазах. Так вот, страны, которые я повидал или о которых слышал, как о твоей Альбе, сильно различаются климатом, обычаями, богатством... однако есть нечто общее, что их объединяет. В Меоте же все иначе, так что знатный райнитский нобиль, осролатский купец и последний мусорщик из городов Айталы быстрее сговорятся с диким фраком, чем с любым из наших мужчин.

- Ты говоришь загадками, мудрейший, - Роман откинулся в седле, разглядывая надвигающуюся громаду горного склона. Они поднялись уже до середины бедра Сата

- Тогда оставим это, - Лартак передернул плечами и сменил тему. Лучше расскажи, чем ты занимался в последние дни

- Обучал девушек... беседовал с принцем... осматривал дворец... Кажется, я говорил тебе, что познакомился с устами царя, почтеннейшим Зириподом? - Старец кивнул, сведя в линию седые брови. - Так вот, я снова его встретил... вчера... нет, позавчера, в той галерее, что украшена моделями кораблей. Он спрашивал, когда же я соизволю навестить его. И вид у него был какой-то странный... будто он позабыл пообедать в тот день

- Не советую тебе принимать его приглашение, заметил старец. Опасный человек, очень опасный... воистину, глас царя... второе лицо в стране после великого Дасмона. Лучше тебе не сближаться с ним.

- Но принц сказал, что я свободен, - возразил Роман. - И у меня хватит серебра, чтобы отправиться в Райну на самом большом корабле из тех, что стоят в порту.

- Ах, сын мой, сын мой... - Лартак укоризненно покачал головой. - Я полагал, что ты лучше ведаешь пути душ людских... Пойми, Тархион мальчик... юноша, воспитанный в строгости и еще не вкусивший сладости власти и соблазна вседозволенности... Он колеблется, он боится, он размышляет... Но зрелый муж, привыкший к подчинению, не станет играть с тобой в жмурки. И ты можешь вдруг обнаружить, что все ворота, все выходы из страны для тебя закрыты. Тогда, - мудрец вытянул руку в сторону тропы, уже переходившей в довольно широкий карниз, - вспомни про то, что мы сейчас увидим. В конце концов, должен же кто-то испытать мою птицу! Рабы тупы, я слишком стар, а ты - самый подходящий человек для этого дела!

Если не считать последнего предложения, открывавшего перед разведчиком лазейку для тайного бегства, слова Лартака были весьма смутными. Они миновали карниз, спешили и, оставив одного раба с лошадьми, втроем поднялись к пещере. Оставшуюся часть дороги мудрейший философ и механик молчал.

Они проникли в подземную мастерскую через невысокий проход, вырубленный в скале, у которого кончалась тропа. За ним шел недлинный коридор, открывавшийся в довольно просторный зал; его освещали два окна в восточной стене. Здесь высились верстаки с бронзовыми и стальными инструментами, а в дальнем конце громоздились деревянные бруски и рейки, на которых лежали рулоны пленки из рыбьего пузыря. Пахло тут лаком, древесной стружкой и йодистыми морскими испарениями, смешанными с ароматом сухих трав, висевших под потолком. Лартак, не задерживаясь, направился к двери, что вела во вторую камеру; Роман шел за ним.

Новое помещение оказалось примерно таких же размеров, как и покинутое ими подземелье. Оно тоже было вытянуто вдоль внешней поверхности горного склона, но вместо окон в стене зиял огромный проем в форме аккуратно высеченного прямоугольника десять на пять ярдов. Казалось, зал открыт небу, свету и ветрам; и лишь довольно большой аппарат с широкими крыльями, обтянутыми блестящей пленкой, отделял вошедших от бесконечного воздушного пространства. Роман заметил, что по краям проема в стены вбиты костыли с бронзовыми кольцами, от которых к корпусу планера тянулись канаты толщиной в руку. Вероятно, это были тяги катапульты, которая могла швырнуть машину в небеса, словно выпущенный из рогатки камешек.

- Ну, как? - лицо Лартака не просто светилось; оно сияло, будто физиономия Сата-Прародителя на новенькой серебряной монете. Он медленно подошел к своему детищу и положил руку на крыло - так, словно коснулся щеки любимой женщины.

Роман прищелкнул языком; он был по-настоящему восхищен, без всякого притворства. В этом мире, не знавшем пороха, бензина и электричества, нашелся человек, создавший нечто способное взлететь в воздух! И, чем внимательней он рассматривал машину, тем больше проникался уверенностью, что этот аппарат способен не только взлететь, но и благополучно опуститься, преодолев немало фарсатов в воздушных течениях. У него была довольно просторная кабина с двумя креслицами, расположенными друг за другом; за ними - что-то вроде крохотного грузового отсека.

- Садись! - старец похлопал по переднему сиденью, и Роман покорно полез внутрь. - Смотри: вот два рычага, от которых идут тяги к крыльям, а между ними - третий, позволяющий управлять хвостовым оперением... Внизу, обитая тонким бронзовым листом доска с загнутым краем. Можно садиться на лугу и скользить по траве до полной остановки, но я думаю, что безопасней использовать озеро или пруд. Теперь посмотри на это стремя... - он показал на потолок, где действительно висел металлический треугольник, напоминавший стремя. - Когда канаты натянуты, оно опускается вниз, так что легко достать рукой. Сильный рывок освобождает спусковой механизм катапульты... Представляешь - рааз! - и ты в небесах! И мчишься в Райну на крыльях ветра! А я... - он вдруг тоненько хихикнул, - я остаюсь тут и ничего не знаю! Ничего, понимаешь!

- А твои рабы? - поинтересовался Роман. - Они надежные парни?

- Им живется неплохо, и они не жаждут вернуться в эстард... - старик махнул рукой. - Но дело в том, сын мой, что об этом, - он снова нежно погладил крыло своей машины, - знают только четыре человека: мы с тобой и они. А я сильно сомневаюсь, что им ясно, для чего предназначена моя птица. Видишь ли, никто не интересуется тем, что я делаю у себя в мастерской и зачем мне нужна древесина града, кувшины с клеем и рыбий пузырь. Я наставник принца, и его управитель Харатт достает все, что мне нужно, без лишних вопросов. - Он помолчал. - А теперь выбирайся из кресла, и пойдем туда, - Лартак махнул на массивный барабан у задней стены. - Я покажу тебе, как пользоваться лебедкой, которая натягивает канаты, где лежат бурдюки с вином и водой, и прочие запасы.

Когда все было осмотрено, мудрейший задумчиво произнес:

- Если ты решишь покинуть Меот и доверить свою жизнь этой птице, если ты перелетишь на ней Пенное море и опустишься на равнины Райны, пошли мне весть, сын мой... Тогда я буду знать, что ты жив, и что моя деревянная птица и в самом деле способна летать...

- Клянусь, я сделаю это! - Роман поднял руку и сжал кулак. - Но куда я прилечу, когда ветер понесет меня на восток? Я знаю, что в Райну, но в какое место?

- Я думаю, в Сас... Это большой город и порт, который ведет торговлю с нами. Корабли идут туда три-четыре дня, но моя птица перенесет тебя через море от рассвета до заката... или наоборот, если ты благоразумно решишь отправиться в путь ночью. Ты преодолеешь немалое расстояние в своем странствии по мировой сфере... И, как знать, если найдется в Сасе богатый покровитель, ты сможешь на его деньги построить новую катапульту, чтобы еще раз взмыть в воздух.

- Для этого надо сперва приземлиться, - заметил Роман, - и не перепугать при этом целый город. Вдруг в Сасе меня примут за летающего демона и посадят на кол - так, на всякий случай.

Усмехнувшись, Лартак покачал головой.

- Не беспокойся. Империя райнитов сильна, богата и является вполне просвещенным государством. Их владыка, Тагор, покровительствует искусствам и любит философов, ученых и странников из дальних земель. Правда, шарлатанов, там действительно сажают на кол... но к тебе эго не относится. - Старик помолчал и со вздохом добавил: - В молодости я провел в Райне два года, и иногда жалею, что не остался там навсегда... Но заветы Сата сильны! Каждый Меот должен жить и умереть в своей стране...

* * *

Уже почти смеркалось, когда они возвратились в Голубой Дворец. Распровавшись со стариком, Роман отвел жеребца на конюшню за казармами охраны и неторопливо направился к себе. Он шел по лесу, примыкавшему к парку; тут росли огромные деревья, похожие на платаны, с мощными стволами и развесистыми кронами, а под ними - мягкая невысокая трава. Уютное местечко и не часто посещаемое, как он успел заметить; тут никто не мешал его размышлениям.

Значит, Лартак считает, что ему, возможно, придется покинуть благословенную землю Меоты в аварийном порядке... Намеки старика на особый стиль жизни меотов, так не подходящий пришельцу из Альбиона, были не совсем понятны, но вывод не оставлял сомнений: если припечет, стартуй прямо с макушки Сата и пришли из Райны письмо. Неужели дела могут повернуться в плохую сторону? Роман терялся в догадках! его обостренное чувство опасности и интуиция в данном случае не говорили ничего определенного.

Однако он ощущал явственный привкус тайны. Как странно! Он пробыл в этой стране уже месяц, он представлял себе ее границы и территорию, занятия жителей, форму правления, организацию войска и массу других вещей. И все же главного он так и не уловил. Дух народа, личная жизнь людей - или, проще говоря, постель... Об этом он не имел никакого понятия, невзирая на успешный опыт с Фаррой. Вероятно, тайные заветы Сата касались именно данной стороны дела, скрытой от него, чужеземца, почти варвара...

Значит, по словам Лартака, одни женщины меотов рожали девочек, другие - эти самые археоды - мальчишек... Невероятно, но пусть так! Скорее всего, это признак вырождения, связанный с ограниченным генофондом, хотя по внешнему виду амазонок этого не скажешь... Возможно, дело в мужчинах? От кого еще могут понести все эти красотки с мечами и копьями? От Сата-Прародителя, как уверяли его в эстарде Шод?

Но любовь, любовь!.. Где же любовь или хотя бы ее грубый эквивалент секс? Фарра, если не обращать внимания на некоторые странности, была вполне нормальной женщиной, отнюдь не фригидной... И он, Роман, не первым познал ее... ведь она даже родила ребенка, девочку, из-за которой ее заклеили! Раз женщины рожают детей, значит, неизбежен и акт любви... как же иначе... Но где, когда, с кем? Или меоты так целомудренны, что крадутся к женщинам глухой ночью? А может, Сат Прародитель пошутил с ними, отпустив народу на такие дела один день в году? Однако девушки, его ученицы, как будто не страдали от сексуальной озабоченности... Он бы почувствовал это - по одному взгляду, по робкому движению, по вздоху! Он хорошо знал женщин... Но эти не обращали на него ровно никакого внимания! На него, Романа Гилева! В конце концов, что было просто унижительно!

Он пнул что-то лежавшее в траве, отозвавшееся протяжным негромким звоном и, пробормотав проклятие, наклонился. Два меча, пояса с бляхами, рядом - скомканные плащи и туники. Он поднял один клинок, поднес к глазам, пытаясь рассмотреть в угасающем свете дня наверхие рукояти. Бронзовая лошадиная голова раздутые ноздри, оскаленные зубы, летящая по ветру грива. Казалось, жеребец смеется над ним, уставившись в лицо ошеломленного человека крохотными изумрудными глазками.

Словно очнувшись, Роман уловил теперь учащенное дыхание и стоны, доносившиеся из-за ствола, ближайшего платана. Положив меч на землю, он приблизился к дереву, неслышно ступая, и выглянул. Там была маленькая полянка, не больше одеяла, - ложе любви, устланное ароматными мягкими травами. И в их нежных ласковых объятиях, тесно прижавшись, друг к другу, трепетали в экстазе два прекрасных женских тела.

<http://tl.rulate.ru/book/22670/479118>